
СОЦИОЛОГИЯ СТАРОСТИ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.03

Правильная ссылка на статью:

Биггз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / пер. с англ. А. А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 46—58.

For citation:

Biggs S., Haapala I. Long life, mutual understanding and generational empathy / Translated by A. Ipatova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 2. P. 46—58.

С. Биггз, И. Хаапала

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ, ВЗАИМОПОНИМАНИЕ И ЭМПАТИЯ ПОКОЛЕНИЙ

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ, ВЗАИМОПОНИМАНИЕ И ЭМПАТИЯ ПОКОЛЕНИЙ

LONG LIFE, MUTUAL UNDERSTANDING AND GENERATIONAL EMPATHY

БИГГЗ Саймон — профессор геронтологии и социальной политики, школы социальных и политических наук, Университет Мельбурна (Мельбурн, Австралия).

E-mail: aubiggss@unimelb.edu.au

BIGGS Simon — PhD, Professor of Gerontology & Social Policy, School of Social & Political Sciences, University of Melbourne, Melbourne, Australia.

E-mail: biggss@unimelb.edu.au

ХААПАЛА Иржа — старший преподаватель диететики на факультете валеологии, искусств и дизайна в школе Школе валеологии, отделение биомедицины и валеологии, Университет Суинберн (Мельбурн, Австралия).

E-mail: ihaapala@swin.edu.au

HAAPALA Irja — PhD, Senior Lecturer in Health Sciences (Nutrition), Faculty of Health, Arts and Design, School of Health Sciences, Department of Biomedical and Health Sciences, Swinburne University of Technology, Melbourne, Australia.

E-mail: ihaapala@swin.edu.au

Аннотация. Старение населения — некий вызов, который обычно рассматривается скорее как демографический сдвиг, нежели как культурная адаптация. Доминантная форма адаптации, — «продуктивное старение», предлагает ограниченный потенциал для личностного роста и допустимых

Abstract. Abstract. Ageing is a challenge considered as a demographic transition rather than cultural adaptation. The dominant form of adaptation, «productive ageing», features a restricted potential for personal development and acceptable older age identities. The proposed alternatives focused on creative value of

идентичностей в старшем возрасте. Предлагаемые альтернативы, где особое внимание уделяется творческой ценности неактивности, переосмыслению социальной дискриминации пожилых (эйджизма) и ритмов жизненного пути*, делают возможной постановку экзистенциальных и духовных вопросов, связанных с возрастом. Открытие форм участия, сопутствующих разным возрастам, выдвигает на первый план изучение ценности «поколенного интеллекта» (generational intelligence), эмпатического понимания, взаимовыгодных решений и взаимодополняющих ролей между представителями разных поколений, что может пролить свет на саму человеческую природу.

Ключевые слова: старение, социальная политика, возрастная идентичность, поколение, трудовая деятельность

inactivity and rethinking of age discrimination (ageism) and life course rhythms give rise to ageing-related existential and spiritual questions. Exploring modes of participation across different age groups highlights the importance of generational intelligence, empathic understanding, mutually beneficial solutions and mutually reinforcing inter-generational roles that could shed light on human nature.

Keywords: ageing, social policy, age identity, generation, labor activity

Введение

Спор о том, каким может быть долголетие в будущем, во многом определяет социальное развитие в XXI в. и потому все больше волнует умы политиков во всем мире. Всемирный экономический форум (ВЭФ) обозначил старение населения как одну из пяти наиболее важных проблем, с которыми сталкивается человеческое общество в контексте материального обеспечения. Если, как заявляет ВЭФ [Beard et al., 2012], решение проблем глобального старения населения является одной из задач культурной адаптации, форма, которую эта адаптация принимает, требует критического рассмотрения, включая переосмысление взаимоотношений между материальным и духовным потреблением, изменяющимися вследствие долголетия.

Сегодня многое известно об общих демографических тенденциях: люди живут дольше, а количество лиц старших возрастов увеличивается по отношению

* Life-course, или жизненный путь, — сложное понятие, которое развивается в зарубежной социологии в последние 40 лет. Его можно перевести как «развитие в течение всей жизни», «развитие на протяжении всего жизненного пути». Эта парадигма является результатом изменения понимания жизни в целом, когда жизненный цикл утрачивает предзаданную траекторию и становится жизненным путем, который формируется в зависимости от условий, событий, стремлений самого индивида. Старение в рамках данной перспективы рассматривается не просто как смена лет жизни определенного человека, а как сложный социально обусловленный процесс с последовательной сменой различных возрастных этапов (это могут быть перемены, например, в социальной роли человека, в его возрастной идентичности). При этом изучается, как переплетаются и влияют друг на друга различные траектории жизни человека: семья, образование, карьера, вступление в брак, рождение детей, здоровье и т.д. — Прим. пер.

к молодым [Bengtson, Lowenstein, 2003]. Другими словами, за исключением ряда стран Африки и некоторых регионов Российской Федерации, мы уходим от традиционного демографического треугольника, когда существует много молодых и мало пожилых, и приближаемся к некоей колонне, где различные группы поколений все больше сближаются по своему размеру [Bloom, 2011]. Во многих странах с развитой экономикой этот сдвиг уже произошел. Кроме того, в целом современные пожилые более материально обеспечены и более здоровы, чем раньше [Metz, Underwood, 2005]. Речь идет о том, что феномен, который чаще всего описывается как демографический и влекущий за собой экономические последствия, является и культурным.

Понятие «адаптация» подразумевает наличие как количественных, так и качественных различий между разными поколениями, когда они становятся соразмерными в демографическом смысле. Однако существует мнение [Moulaert, Biggs, 2013], что политические усилия, направленные на стирание любых различий между сменой жизненных приоритетов в разных возрастах, заменяют политику выделения возрастных групп на политику отрицания возрастных характеристик¹. Одним из результатов данной тенденции может стать ситуация, в которой оценка участия пожилых граждан и их вклада в общественное благо будет затруднительна и определенные фазы духовного развития могут потерять характер жизненного пути. Если духовные испытания находятся в определенном смысле вне времени, то некоторые элементы жизненного пути демонстрируют свою зависимость от определенных экзистенциальных и духовных категорий. Вопрос, таким образом, заключается в том, на какой вид культурной адаптации необходимо ориентироваться. Другими словами, какими должны быть взаимоотношения между целостностью и неоднородностью жизненного пути, материальными и духовными ценностями, а также как они отражены в более широком социальном дискурсе и, особенно, в социальной политике.

Активное и продуктивное старение в социальной политике

Современный политический дискурс свидетельствует о продолжающемся напряжении между активным старением и экономической продуктивностью. Несмотря на то что концепция активного старения, сторонником которой является и Всемирная организация здравоохранения [World Health Organization, 2002], представляет целостный взгляд на старение взрослого поколения [Walker, 2009], она сводится к более узкому пониманию продуктивного старения [Morrow-Howell et al., 2001] с акцентом на фактическое участие в трудовой деятельности, что пропагандируется Организацией экономического сотрудничества и развития [OECD, 2006]. Так, трудовая занятость выступает в качестве главного аргумента, который остается у зрелых взрослых, если они хотят достичь социального признания и заметной идентичности [Moulaert, Biggs, 2013]. Это не просто еще один

¹ Речь идет о том, что существует различная политика по отношению к разным возрастам. В одном случае государственные меры укрепляют возрастные границы, создают возрастные группы («молодая семья», «пенсионер», «пожилой»), легитимируя тем самым возрастную идентичность, наделяя ее определенными качествами, в другом — стирают возрастные границы ввиду нейтральной политики по отношению к возрастным группам, где возраст воспринимается лишь как количественная характеристика, а не как качественная. — *Прим. пер.*

пример сведения многих форм социальной деятельности к их инструментальной материальной ценности, это может рассматриваться и как попытка поменять и постепенно сузить понимание того, что значит стареть, и то, как это можно подогнать под сценарий аккумуляции капитала и экономического роста. Триумф продуктивного старения указывает и на соответствующие ошибки и неадекватность критических подходов к нашему пониманию долголетия. В частности это показывает, по мнению Мулара и Биггза [Moulaert, Biggs, 2013], кооптацию либеральных подходов, основанных на политической экономике и феминизме второй волны, связанных с пониманием трудовой занятости как главного способа достижения социальной и политической власти. Даже потенциально освободительные концепции, например, антиэйджизм, превратились в ответвление недискриминационных производственных практик, а баланс работа/жизнь оказался ограничен разговорами о возможности семей осуществлять неоплачиваемый (государством, т. е. самостоятельный) уход [HREOC, 2011].

Хотя старение старшего поколения имеет материальные последствия в экономическом и в личном (физическом) смысле, этого недостаточно для понимания, а также окончательного изменения в лучшую сторону условий и форм участия старшего поколения. Здесь мы не просто декларируем то, что многие негеронтологи воспримут как очевидное: хорошая и счастливая старость зависит от материального благополучия, здоровья и духовной зрелости, — предпринята попытка схематично изобразить ряд возможных оснований, на которых может быть построено более сконцентрированное видение — целостная версия возрастной идентичности, поэтому особое внимание уделяется условиям человеческой жизни. Переход от видения старости как времени зависимости и угасания к активному старению является значительной культурной переменой. Правильность этой перемены, особенно в контексте счастливой возможности жить долго, требует тщательного творческого анализа.

Альтернативные точки зрения

В данной статье предпринята попытка определить, какие основания предлагаются для долголетия в современных условиях и в каких направлениях они могут развернуться. Для начала можно найти, что осталось нераскрытым в теме старения в ходе стремительной гонки к активности и продуктивности [Walker, 2009] и более широким формам потребления [Gilleard, Higgs, 2005]. На наш взгляд, продуктивное старение, с точки зрения современных решений, содержит радикальное непонимание трех аспектов процесса старения. Во-первых, возможно, имеет смысл иногда отойти от социальной вовлеченности и оставить время для спокойного размышления и критического анализа. Во-вторых, активность и породнившееся с ней продуктивное старение могут создать форму своего рода возрастной колонизации, которая заменит одну форму жизненного пути, ориентированного на возраст, на другую. Солидарность между поколениями должна рассматриваться в рамках неоднородности возрастной идентичности вдобавок к ее целостности, что подразумевает эмпатию между поколениями. Наконец, что наиболее спорно для тех из нас, кто ранее строил свою критику на социальном конструировании старения, это предложение, согласно которому мы должны переосмыслить роль жизненных

ритмов, основанных на концепции жизненного пути, как платформы для понимания культурной адаптации и долгой жизни, а также для продуктивной критики.

Возможность созерцания и способность к рефлексии

Во-первых, необходимо провести переоценку неактивности. Важно понять, до чего может довести активное старение, например, то, что Торнстам [Tornstam, 2005] называет позитивным уединением (positive-solitude), которое, по его мнению, не нужно путать с выпадением из социальной деятельности. Уединение и возможность созерцания — элементы, необходимые для критической дистанции, и ее нужно достичь. Это положение противоречит тому, что Экерт назвал этикой занятых (the busy ethic [Ekerdt, 1986]), а Катц — занятыми людьми (busy bodies [Katz, 2000]). Оба автора высмеивают понимание активности как того, что способствует прибавлению моральной ценности (чьей-либо) жизни, которая в противном случае якобы будет считаться пустой и не имеющей истинного смысла. Современная культура несильно преуспела в толерантном отношении к неактивности, даже несмотря на то что ранее неактивность воспринималась как один из основных ресурсов, доступных в старшем возрасте. Без этого — без рациональной рефлексии — очень сложно обоснованно критиковать текущее положение дел. Нерелексивное понимание активности часто просто воспроизводит дискуссию вокруг установившихся форм конформности (более или менее активный, более или менее экономически полноценный). Другими словами, с ним не удастся выйти за круг существующих социально-политических задач и понять, в чем состоит суть самого спора. Духовные возможности, которые потенциально может дать долгая жизнь, не должны просто добавляться к существующему набору задач, нужно работать над их новым пониманием. Необходимо положительно мотивировать продуктивную критическую неактивность, поскольку она является тем символическим пространством, где могут быть исследованы основные гипотезы, касающиеся старения и его смысла. Здесь важно разграничить деятельность и активность. Активность может привести к бессмысленному положению простого существования или бездумного повторения, если она не будет подкреплена экзистенциальными преимуществами долгой жизни. Понятно, что материальные ресурсы, обеспечивающие возможность неактивности, не достаточны, и потому в существующих условиях критическое осмысление вряд ли возможно (если перефразировать Леотарда, эти условия создают некоторым из нас несущественные сложности в потреблении, а других ставят перед риском вымирания). Надо не подменять дар долголетия простой продуктивностью, которая заслоняет конкретные жизненные и духовные ценности, а осознать социальную реальность и нас самих, а также наше отношение к священному.

Выявление основных жизненных приоритетов и согласование действий между поколениями

Во-вторых, следует понять, насколько в политическом дискурсе принимается во внимание особая природа долгой жизни. Существует несколько аргументов, которые исходят из изменений физических возможностей [Tulle, 2004; Westendorp, Kirkwood, 2007], из различия в формах умственной деятельности [Marceon et al.,

2007], из тех жизненных приоритетов конечного жизненного пути, которые указывают на существенную неоднородность раннего и позднего старшего возраста [Tornstam, 2005; Dittman-Kohli, Joop, 2007]. В частности, согласно психотерапевтическому пониманию изменений, происходящих в течение жизни, с возрастом теряется человеческий потенциал, причем поворотным моментом является вторая половина жизни (поздний средний возраст) [Jung, 1931; Stein, 1998; Biggs, 1999]. Хиллман, последователь Юнга, усиливает эту точку зрения: «Старение — это не катастрофа. Оно необходимо человеческой природе, это потребность души» [Hillman, 1999]. Торнстам, основываясь на результатах исследования пожилых в Швеции и Дании, называет процесс геротрансцендентности ключевым в позднем старшем возрасте: «геротрансцендентный индивид... обычно проводит переоценку себя и своих отношений с другими, а также по-новому начинает понимать фундаментальные, экзистенциальные вопросы. Индивид, например, менее погружен в себя и в то же время более избирателен в вопросах социальной и других видов деятельности» [Tornstam, 2005: 3].

Ключевым ответом со стороны культуры на это изменение была, на наш взгляд, попытка отринуть старший возраст и заменить его какими-то другими категориями. В результате экзистенциальные приоритеты долголетия потеряли значение: «цели, задачи, ориентиры и проблемы одних возрастных групп наложились на жизни других возрастных групп. Это могло происходить осознанно, по причинам политической или экономической целесообразности, или же невольно, поскольку это просто отвечает здравому смыслу» [Biggs, 2004: 103]. Этот процесс, который называют возрастным империализмом или новым эйджизмом, может рассматриваться как доминанта продуктивного старения над альтернативными формами потребления или же потенциал, который открывается не только в середине жизни, но и в самом пожилом возрасте.

Такая форма эйджизма имеет ряд последствий. Она показывает зависимость и физический упадок у самых старых индивидов [Hazan, 2011] и в то же время игнорирует духовные возможности четвертого возраста [MacKinlay, 2006], приводит к упрощенному пониманию, что человек не просто располагает дополнительными годами жизни, а что все эти годы одинаковы [Moody, 2001]. В современных условиях эта форма загораживает альтернативные формы работы и трудовой деятельности. Переосмысление социального эйджизма в данном ключе открывает перспективу видения его как влияющего на все возрастные группы, поскольку он связан с более широким кругом экзистенциальных вопросов. Внимание начинает уделяться также самому процессу, а не его составляющим, а потому открывается перспектива построения новых взаимоотношений между социальным конструированием возрастных идентичностей и жизненным опытом старения.

Эта точка зрения имеет важные последствия для межпоколенных отношений, и сегодня некоторые эксперты [Kohli, 2005; Chauvel, 2006; Willetts, 2010] считают, что конфликт поколений находится в стадии роста. Отрицание такого социального вклада, как трудовая деятельность, усугубляет эту тенденцию, заставляя различные возрастные группы сражаться за одни и те же идентичности в одном социальном пространстве. Когда молодое поколение просит обеспечивать старшее, оно воспринимает это не негативно, а как возможность иметь такие же права

самим в старости, что обуславливает чувство солидарности [Keck, Blome, 2008; Komp, van Tilberg, 2010; Asra, Kohli, 2008].

Ловенштейн и Хаапала [Biggs et al., 2011] считают, что признание своеобразия опыта каждой поколенной группы является ключом к развитию взаимодействия между возрастами и поиску обоюдно удобных социальных идентичностей. Парадоксально, но в отличие от идентичности, основанной на схожести, задача межпоколенной солидарности заключается в том, чтобы осознать различия потребностей в отдельные периоды жизни в старшем возрасте. Когда составляющие жизненного пути осознаются не как повод для соревнования, а как источник взаимодополняемости, каждая часть зрелой жизни потенциально может дополнять другую. Соответственно, задача культурной адаптации заключается в создании такого пространства, где могут сформироваться разные роли, связанные с определенными жизненными этапами. Конечно, это требует значительного количества межпоколенной эмпатии.

Процессом, который мог бы поспособствовать такой комплиментарности, является поколенный интеллект (generational intelligence) [Biggs, Lowenstein, 2011], когда ставится вопрос о том, до какой степени и в каких условиях можно войти в положение человека из другого поколения. Процесс достижения такой формы эмпатии основывается, по мнению авторов, на том, насколько сильно человек осознает себя частью своего поколения, на том, условно, насколько человек способен представить себя на месте других поколений, и, наконец, от возможности действовать, оглядываясь на связь между поколениями. Авторы выделяют четыре стадии на пути к увеличению взаимопонимания поколений, включая ту степень, до которой субъекты социального взаимодействия отдают себе отчет в том, что является ценностной основой их действий, а также насколько они способны занимать четкую позицию относительно поколенческих вопросов.

Суть настоящего аргумента заключается в следующем: если мы хотим построить устойчивые и обоюдно удобные взаимоотношения между поколениями, нам необходимо двигаться от одинаковости к индивидуальности, а также определить принципы, на которых может быть создана всеобщая культурная адаптация. Это может стать задачей будущей социальной политики, и она соответствует задачам, возникающим из концепции жизненного пути.

Согласно вышеизложенным наблюдениям, долголетие создает качественную перемену в целях, которые, в свою очередь, являются уникальными и адаптируются к тому, чего смог достичь индивид в своей жизни. Следовательно, ставится под сомнение любая позиция, которая накладывает ограничения на социальную роль или жизненные ценности, как это происходит в случае с социальной политикой. Нам необходимо отказаться от ощущения неоднородности возрастных границ, которое могло родиться в результате смены жизненных ориентиров, самого опыта старения или же изменений в духовной сфере, свойственных определенным периодам жизни.

Ритмы жизни и устойчивая солидарность

Третий, и последний вопрос, который, на наш взгляд, требует серьезного рассмотрения, заключается в том, как осознать те возможности, которые дает долголетие, чтобы оно не было полностью зависимо от экономического инстру-

ментализма. Другими словами, кроме мнения, что ты ценен, пока ты можешь работать, нужно обратить внимание на более глубокую культурную задачу оценки вклада долголетия и понимания условий человеческой жизни как таковой, а также сделать источником этих изменений взаимодействие и взаимодополняемость, а не конкуренцию и однородность. Поэтому, на наш взгляд, необходимо ориентироваться на ритмы жизненного пути, а не избегать их. Без этого понимания активное старение рискует упустить из виду естественные особенности и жизненные ориентиры, связанные с возрастом, и, как результат, потерять те уникальные возможности, которые нам может дать долголетие.

Из-за приоритета активной позиции, причем в продуктивистской форме, альтернативные понимания старения практически не сформировались. Там, где они появились, например, в другой важной области обсуждения — медиализации, они свели старение старших возрастов до формы биологического эссенциализма. Именно такое понимание противоречит естественным жизненным ритмам в современных социально-исторических условиях. Осознание того, что старший возраст персонифицирован, интеллектуален и ограничен во времени, обосновывает альтернативную позицию, которая, признавая тленность материального, открывает двери для духовного развития. У нас уже появилось некое понимание этих альтернативных ритмов благодаря различиям между третьим и четвертым возрастом (ранним и поздним старением), между идентичностью молодого и зрелого, благодаря разным жизненным ориентирам и ценностным установкам у разных возрастов, а также геротрансцендентальности (Gero-transcendence) и поколенческого интеллекта. Более того, подход, где внимание сосредоточено на изменениях жизненного пути, выраженных через мысли, эмоции и настроение человека, выступает отправной точкой для поиска смысла долголетия, которое не контингентно только экономическому материализму. Соответственно, создается основа для альтернативной критики и формируется такое понимание значимости долголетия, в котором учитываются особенности развития и изменения жизненного пути. Приходит время для эмпатической рефлексии, и каждая возрастная группа должна критически оценить свое место и вклад в решения, которые принимаются на уровне всех поколений. Другими словами, не подразумевается, что старшее поколение имеет доступ в какие-то особые альтернативные социальные взаимоотношения и может о них рассказать. Наоборот, актуализируется необходимость быть вовлеченным во множественные варианты возрастных перспектив, причем каждая из них в равной степени привлекательна.

Ключом к устойчивой межпоколенной адаптации являются некоторые внутренние духовные качества: эмпатическое понимание, открытость для обсуждения, понимание различий, а также желание достичь совместного решения. Влияния таких процессов, как отношения между поколениями, опыт старения, отношения между старением и социальным неравенством, должны выступать противовесом для современных политических мер, стремящихся к универсализации, и позволять людям относиться к своим соседям как к самим себе. Кроме того, процесс создания эмпатии между поколениями одновременно становится признанием индивидуальности человека другого возраста и формирует способность действовать, беря в расчет все человечество.

Необходимо не сводить старость к биологическим изменениям и противостоять доминирующему пониманию, которое отрицает элементы повседневного опыта и желаний, а потому по своей сути является неестественным. Такие вопросы, как изменение тела, связанное со старением, возрастающее с годами понимание, что мы не будем жить вечно, что у человека мало времени, чтобы насладиться материальными благами, могут помочь в поиске альтернативы. Продуктивистское решение «больше одинаковых» не отвечает этим запросам, а только подавляет их. Вероятно, детальное осознание духовного развития сможет помочь.

Проблема, если говорить официальными терминами, скорее заключается не в продолжении трудовой деятельности в противовес переосмысленному выходу на пенсию, а в том, чтобы позволить людям старших возрастов развивать многосторонние аспекты своей идентичности и, таким образом, сделать достижения конкретного индивида, накопленные им в течение жизненного пути, общественным благом. В этих условиях нужно не исследовать биологическую продолжительность жизни и созданный культурой феномен старения по отдельности, а сосредоточить внимание на том, что они дают творческому и интеллектуальному началу. В этом случае роль прогрессивной социальной политики будет состоять том, чтобы сделать доступными новые социальные пространства, где эти ранее не существовавшие формы взаимосвязанных возрастных идентичностей могут появиться. Рациональные решения, которые смогут противостоять времени и уважать жизненные нормы и ожидания различных возрастных групп, смогут появиться только в том случае, если каждая сторона осознает как свое собственное участие, так и участие других. Настоящей культурной инновацией будут содействие появлению новых социальных ролей, адаптированных для долголетия, акцентирование внимания на взаимосвязях поколений, а также поиск новых путей для реализации потенциала разных возрастов.

Когда генеалогия старения подвергается такому критическому анализу, возникает несколько сюжетов.

Во-первых, попытка решить проблему долголетия привела к политическим мерам, в которых предпочтение традиционно отдается другим возрастным периодам: преимущественно трудовой деятельности в среднем возрасте как основы для идентичности и социального одобрения. Это, в свою очередь, фактически затмило альтернативные точки зрения, основанные на более цельном понимании активного старения, а также преимуществ, которые может дать долгая жизнь в целом.

Во-вторых, усилившийся интерес к культурной адаптации и альтернативным идеям, включая психотерапию и вопросы духовности, имеет и обратный эффект. Он заключается в том, что из поля зрения выпадают зависящие от возраста жизненные приоритеты, связанные с экзистенциальными вопросами, как например, понимание конечности жизни и долгожительство. Происходит переосмысление значения возрастных этапов жизненного пути.

В-третьих, возникает культурная задача понимания, что долголетие может сказать о человеческой природе, а также восстановления баланса приоритетов на протяжении всего жизненного пути. Другими словами, мы движемся от времени, когда приоритеты долголетия были взяты из других жизненных этапов,

к раскрытию преимуществ и достоинств каждого возраста, которые могут пролить свет на саму человеческую природу.

Заключение

В целом, на наш взгляд, современная озабоченность активным старением, даже в виде «должно быть больше жизни, чем работы», легко становится формой холизма, в которой понимание возраста доходит до таких пределов, где все, что не активно и не деятельностно, выбрасывается за борт или должно быть туда выброшено. В таком понимании активное старение и продуктивное старение вовсе не являются альтернативами, они просто выступают в качестве других форм (одна более мягкая, чем другая) своеобразного отрицания возраста. Они оставляют нас переполненными, но одновременно пустыми.

Мы надеемся, что обозначение трех аспектов: необходимости рефлексии, особых целей и задач, связанных с разными возрастами, и ритмов жизненного пути, — помогут увидеть варианты развития стойкой культурной адаптации с точки зрения как практических решений, так и поиска новых форм интеллектуального осмысления возраста.

Если говорить в терминах культуры, получается, что мы потеряли часть сценария старения. Мы не ценим уроков, преподнесенных нам долголетием. Мы заменили один набор стереотипов другим, построив свои модели так, что ценность возраста в них измеряется исходя из критериев экономического инструментализма. Это сталкивает молодых и пожилых, заставляя их соревноваться за рабочие места и ресурсы, вместо того чтобы создавать взаимодополняющее сотрудничество и эмпатическую взаимосвязь. С этой позиции долголетие имеет перспективы радикальной критики существующей традиции относительно старения. Если устойчивое экономическое развитие является средством, а не самоцелью, необходимо правильно оценить естественную сторону старения, признать, что оно является социальным конструктом, телесным и духовным опытом.

Ответными (и практически универсальными) мерами со стороны государства относительно старения должны стать поиски путей увеличения длительности продуктивных лет жизни, установление новых границ пенсионного возраста, поскольку это повышает налоговые отчисления и уменьшает нагрузку на государство и бизнес в отношении пенсионных выплат. В таких случаях часто увеличивается возраст, после которого человек может выйти на пенсию, и пенсия рассчитывается исходя из фиксированных взносов работника в период работы, а не по пенсионной схеме. Так, индивиды, не имеющие других источников поддержки, вынуждены работать в старшем возрасте, или же они попадают под какие-то другие институциональные категории, например, длительная нетрудоспособность. У этой стратегии есть ряд последствий — пожилые дольше занимают свои рабочие места, их переводят на непостоянную работу или же на работу ниже статусом, а также формируются напряженные отношения между молодыми и пожилыми сотрудниками. Во многих аспектах такое решение представляет собой попытку изменить баланс рабочей силы, не изменяя существующие практики и ожидания, и как таковое оно не отвечает более широким задачам культурной адаптации к изменившимся демографическим обстоятельствам.

Критическая точка зрения заключается не в том, чтобы превзойти концепции, которые сами по себе, исходя из текущего понимания, противоестественны и требуют изменений, и не в том, чтобы стать частью существующих социально-политических традиций «сделать их по своему подобию», как пишут Эстес и его коллеги [Estes, 2003]. Задача критического рассмотрения состоит в том, чтобы поставить под сомнение сам характер этих аргументов и попытаться создать новое понимание той роли, которую играет долголетие. И вполне возможно, что такое альтернативное, более естественное и интеллектуальное обоснование будет иметь значение.

Литература

Active ageing. A policy framework // World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing. Madrid : WHO, 2002.

Azra C., Kohli M. Pension Reform in Europe : Politics, Policies and Outcomes. Abingdon : Routledge, 2008.

Beard J. R., Biggs S., Bloom D. E., Fried L., Hogan P., Kalache A., Olshansky S. J. Global Population Ageing : Peril or Promise? Geneva : World Economic Forum, 2012.

Bengtson V. L., Lowenstein A. Global aging and challenges to families. New York : Aldine de Gruyter, 2003.

Biggs S. The Mature Imagination. Bucks : Open University Press, 1999.

Biggs S. New ageism: age imperialism, personal experience and ageing policy // Ageing & Diversity / ed. by S.-O. Daatland and S. Biggs. Bristol : Policy, 2004. P. 95—106.

Biggs S. Psychodynamic approaches to the lifecourse and ageing // The Cambridge handbook of age and ageing / ed. by M. L. Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 149—155.

Biggs S., Haapala I., Lowenstein A. Exploring Generational Intelligence as a Model for Examining the Process of Intergenerational Relationships // Ageing & Society. 2011. N 31 (3). P. 353—371.

Biggs S., Lowenstein A. Generational Intelligence. London : Routledge, 2011.

Bloom D. E. 7 Billion and Counting // Science. 2011. 333 (6042). P. 562—569.

Chauvel L. Social generations, life chances and welfare regime sustainability // Changing France: the politics that markets make / ed. by P. D. Culpepper, P. A. Hall and B. Palier. Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Palgrave MacMillan, 2006. P. 150—175.

Coleman P. G. Belief and Ageing : Spiritual Pathways in Later Life. Padstow : Policy Press, 2011. P. 181.

Dittman-Kohli F., Joop D. Self and life-management // Ageing in Society / J. Bond. London : Sage, 2007. P. 268—295.

Ekerdt D. J. The Busy Ethic : Moral Continuity Between Work and Retirement // The Gerontologist. 1986. N 26 (3). P. 239—244.

Estes C., Biggs S., Phillipson C. Social theory, Social Policy and Ageing : A critical introduction. London : Open University Press, 2003.

Gilleard C., Higgs P. Contexts of Ageing : Class, Cohort and Community. Cambridge : Polity Press, 2005.

Harris J. G. Biblical Perspectives on Ageing : God and the Elderly (second edition). N. Y. : Harworth Press, 2008.

Hazan H. Gerontological autism: terms of accountability in the cultural study of the fourth age. *Ageing & Society*. 2011. 31 (7). P. 1125—1140.

HREOC. Australian Human Rights Commission 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hreoc.gov.au/> (дата обращения: 5.04.2016).

Hillman J. The Force of Character and the Lasting Life. N. Y. : Springer, 1999.

Jung C. G. The stages of life : Collected Works. Vol. 8. London : Routledge & Kegan Paul, 1931.

Katz S. Busy Bodies : Activity, aging, and the management of everyday life // *Journal of Aging Studies*. 2000. N 14 (2). P. 135—152.

Keck W., Blome A. Is there a generational cleavage in Europe? // *Handbook of Quality of Life in the Enlarged European Union* / ed. by J. Alber, T. Fahey & C. Saraceno. London : Routledge, 2008. P. 73—100.

Kohli M. Generational changes and generational equity // *The Cambridge handbook of age and ageing* / ed. by M. L. Johnson. Cambridge : Cambridge University press, 2005. P. 518—526.

Komp K., van Tilberg T. Ageing societies and the welfare state: where the inter-generational contract is not breached // *International Journal of Ageing & Later Life*. 2010. Vol. 5. No. 1. P. 7—11.

Mackinlay E. Spiritual Growth and Care in the Fourth Age. Bristol : Jessica Kingsley, 2006.

Marceon A., Coleman P., O'Hanlon A. Psychological ageing // *Ageing in Society* / ed. by J. Bond. London : Sage, 2007. P. 38—67.

Metz D., Underwood M. Older Richer Fitter. London : Age Concern Englan, 2005.

Moody H. R. The five stages of the soul. N. Y. : Doubleday, 1998.

Moody H. R. Productive ageing and the ideology of old age // *Productive Ageing* / ed. by N. Morrow-Howell, J. Hinterlong & M. Sherraden. Baltimore : Johns Hopkins, 2001. P. 175—197.

Moulaert T., Biggs S. International and European Policy on Work and Retirement: reinventing critical perspectives on active ageing and mature subjectivity *Human Relations*. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://hum.sagepub.com/content/early/2012/06/26/0018726711435180.full.pdf+html> (дата обращения: 5.04.2016).

OECD. Ageing and employment policies. Live longer, work longer. Paris : OECD, 2006.

Olshansky S. J., Biggs S., Achenbaum W. A., Davison G. C., Fried L., Kalache A., Khaw K.-T., Fernandez A., Rattan S. I., Guimarães R. M., Milner C., Butler R. N. The Global Agenda Council on the Ageing Society : Policy Principles Global Policy. 2011. Ch. 2.1. P. 97—105.

Stein M. Jung's Map of the Soul. London : Open Court, 1998.

Tornstam L. Gerotranscendence. N. Y. : Springer, 2005.

Tulle E. Old Age & Agency. N. Y. : Nova, 2004.

Walker A. Commentary : The Emergence and Application of Active Aging in Europe // *Journal of Aging & Social Policy*. 2009. N 21 (1). P. 75—93.

Westendorp R., Kirkwood T. The biology of ageing // *Ageing in Society* / ed. by J. Bond. London : Sage, 2007. P. 15—37.

Willets D. The Pinch: how the baby boomers took their children's future and why they should give it back. London : Atlantic Books, 2010.